

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

«Сѣверный Вѣстникъ», — «Русское Богатство»
— Ноябрь.

I.

Приходилось ли вамъ, читатель, переживать такое состояніе: вы чувствуете себя какъ нельзя болѣе благополучнымъ; на душѣ спокойно, свѣтло, радостно, — радостно потому, что на протяжении нѣсколькихъ мѣсяцевъ васъ давила щемлящая тоска, терзала самый отчаянный сплинъ, угнетали разныя житейскія мелочи, а затѣмъ все это исчезло, разсыпалось подъ вліяніемъ новыхъ бодрящихъ впечатлѣній и новыхъ психологическихъ процессовъ; сверхъ того, вамъ предстоитъ сдѣлать замѣчательно пріятный визитъ и потолковать по душѣ съ хорошимъ человекомъ.

И вотъ вы энергично снаряжаетесь, напялив «трамъ-трамъ» или «не увъжай голубчикъ мой».

Снарядившись, рѣзво выходите на улицу и... попадаете подъ обильныя дождевыя струи.

Почти въ такомъ же положеніи оказываются читатель и обозрѣватель беллетристическихъ произведеній вѣчно начитающаго провинціального писателя М. Горькаго.

Слѣдя за новостями литературы, вы раскрываете, скажемъ, журналъ «Новое Слово» и на первой же страницѣ наталкиваетесь на произведеніе г. Горькаго.

Прочитываете, разумѣется, думаете по поводу прочитаннаго и говорите себѣ бисмарковское:

— Ничего!

Есть поэза, есть мысль, — мысль, правда, до послѣдней степени тенденціозна, односторонняя, растворенная въ водѣ крайне шаткихъ и скользкихъ сентенцій, вродѣ того, что пирожникъ не долженъ печь пироги, наборщикъ — набирать, сапожникъ — тачать сапоги, крючичикъ — таскать шпильки, пахарь — воздѣлывать ниву, писатель — писать, читатель — читать, ибо, по закону естества, всѣ помрутъ ежели будутъ живы — здоровы, — но все же мысль, выраженная совсѣмъ не глупо, мѣстами согрѣтая настоящимъ душевнымъ тепломъ и любовью къ обездоленнымъ, теряющимъ почву подъ ногами людямъ.

Раскрываете «Русскую Мысль», — опять М. Горькій, и опять съ тѣми же сентенціями о безполезности труда и вообще житейскихъ дѣлъ, опредѣленныхъ цѣлей, законченныхъ идеаловъ

и стремленій, при чемъ въ новомъ произведеніи фигурируютъ уже знакомыя по первому очерку лица, только чуточку перемелаванныя и нѣсколько иначе разставленныя.

Пробуете отдохнуть съ книжкой «Сѣв. Вѣст.» въ рукахъ, осторожно приподымаете обложку — и... опять г. Горькій.

И опять сапожникъ утверждаетъ, что жизнь устроена несообразно, что сапоги-ерунда въ сравненіи съ ничемъ-недѣланиемъ и хорошимъ штофомъ очищенной, а потому нужно-де не сапоги тачать, а колотить жену, не бояться холеры, ежели она зайвится, и ночевать въ ночлежномъ домѣ на полномъ просторѣ.

Взрете, наконецъ, первый попавшійся подъ руку журналъ, не безъ тревоги и недовѣрія заглядываете въ середину, — г. Горькій тутъ-кактутъ!..

Сознавъ тщету попытокъ хоть на время избавиться отъ произведеній г. Горькаго, усаживаетесь поудобнѣе и начинаете читать съ чувствомъ, съ толкомъ, съ передышками.

Прочитываете очеркъ «Озорникъ», живописующій полушьяныя порывы наборщика, отрицающаго необходимость труда въ жизни и жалающаго всегда быть маленькимъ, чтобы имѣть возможность играть въ бабки; основательно знакомитесь съ содержаніемъ другого очерка «Супруги Орловы», для котораго былъ, повидимому, приспособленъ «Озорникъ», и добираетесь до наброска — «Мальва», помѣщеннаго въ ноябрьской книжкѣ «Сѣв. Вѣст.».

Въ сущности все обстоитъ какъ нельзя болѣе благополучно.

Герои очерковъ г. Горькаго вслѣдствіе разговоры разговариваютъ на тему о томъ, «что было бы, ежели бы ничего не было и ежели бы замѣсто наборнаго станка либо сапожной скамьи — да въ чистомъ тѣлѣ ходить и разнымъ мармеладомъ мармеладиться?», совершаютъ разныя непристойности, предусмотрѣнныя уставомъ о наказаніяхъ, а г. Горькій пишетъ и печатаетъ.

Писать г. Горькій перемежно, то повышаясь, то замѣтно понижаясь въ смыслѣ концепціи, литературной отдѣлки и конечныхъ выводовъ, но обладаетъ рѣдкой способностью приспособляться къ обстоятельствамъ.

Такъ, въ «Нов. Слово» онъ уныло-задумчивъ и расстреланно-меланхоличенъ, въ Русской Мысли — сдержанно-сухъ, строгъ и серьезенъ; въ «Сѣв. Вѣст.» — возвышенно-витіевать и декадентски-загадоченъ.

Въ послѣднемъ случаѣ на васъ надвигаются:

смѣющееся море съ атласной грудью, серебряныя улыбки волнъ, играющая солнцемъ вода, непонятный и оскорбительный запахъ тухлой рыбы, торчащія подошвы въ небо валеныя сапоги и проч. и проч.

Читая начало послѣдняго наброска г. Горькаго — «Мальва», вы положительно терпаетесь, въ виду обнаруживаемой авторомъ громадной способности приспособляться къ извѣстнымъ требованіямъ даннаго журнала.

«Мальва» начинается такой декадентской интродукціей: «Море смѣялось. Подъ легкимъ дуновѣніемъ вѣтра оно вздрагивало и, покрываясь мелкой рябью, ослѣпительно ярко отражавшей солнце, улыбалось голубому небу тысячами серебряныхъ улыбокъ... Солнце было счастливо тѣмъ, что свѣтило; море — тѣмъ, что отражало его ликующій свѣтъ (sic!) Внутрь ласково гладилъ могучую, атласную грудь моря, солнце грѣло ее своими горячими лучами и море, дремотно вдыхая подъ тѣсною силой этихъ ласкъ, насыщало жаркій воздухъ соленымъ ароматомъ своихъ испареній. Зеленватыя волны, взбѣгая на желтый песокъ, сбрасывали на него бѣлую тѣлу своихъ пыльныхъ гривъ, а она съ тихимъ звукомъ таяла на горячемъ пескѣ, увлажяя его».

Далѣе узнаемъ изъ повѣствованія г. Горькаго о существованіи «непонятнаго» и «оскорбительнаго» запаховъ, о валеныхъ сапогахъ, торчащихъ подошвами не просто вверхъ, какъ могутъ торчать и торчатъ всякіе другіе сапоги, а въ самое небо, и о многомъ другомъ, что можетъ найти истолкованіе не на обыкновенномъ русскомъ языкѣ, а на языкѣ декадентовъ.

На вопросъ читателя, въ чемъ заключается «Мальва», окруженная «тысячами серебряныхъ улыбокъ вздрагивающаго моря», «торчащими въ небо сапогами», «счастливымъ солнцемъ» и прочими велерѣчиво-противоестественными атрибутами, и что хочетъ сказать ею авторъ «серебряныхъ улыбокъ» — мы затруднимся отвѣтить, но попробуемъ подготовить почву для отвѣта, который долженъ послѣдовать въ декабрьской книжкѣ «Сѣв. Вѣст.». Близъ нѣкотораго моря — песчаная коса; на песчаной косѣ — шалашь; въ шалашѣ — Василій Легостевъ, сторожащій съѣти рыбаковъ — промышленниковъ и ожидающій дебелую Мальву, — дѣвицу самаго легкаго отношенія къ жизни, работающую на рыбномъ заводѣ. Мальва прѣзжаетъ къ косѣ и привозитъ сына Василя Легостева, съ которымъ (т. е. съ Василюкомъ) она состоитъ въ незаконной связи, — здоровеннаго парня Якова.

Отец смущается, поварить уху и кипятить чай, под тихогромкий плескъ счастливаго моря, улыбающагося солнцу тысячами серебряныхъ улыбокъ; потомъ все пьютъ водку и Яковъ засыпаетъ въ шалашъ, а Василий принимается дубасить (pardon!) Мальву подъ влияниемъ лучей счастливаго солнца, выпитой за вдой воды и смутной ревности.

Потомъ Мальва улыбается на заводъ, пообещавъ отплатить Василию за потасовку.

А потомъ—Яковъ начинаетъ ухаживать за Мальвой.

Вотъ пока и все.

Само собою понятно, подлѣ Василя, Мальвы и Якова группируются и другія фигуры, разговоры-разговаривающія и зѣло проблематическія. Не обходится и безъ «Озорника—Орлова»:—ихъ замѣняетъ на этотъ разъ промысловый Сережа, —пьяница, буйня, драчуна, но тожъ» загадочная натура, ибо безъ такой натуры повѣсти и рассказы г. Горькаго такъ же невозможны, какъ малороссійская свадьба безъ музыки.

Вы, быть можетъ, подумаете, что г. Горькій совершенно безнадеженъ, какъ писатель?

Совсѣмъ напротивъ.

Онъ и плодить, и даровать, и обладаетъ хорошимъ сердцемъ, что сказывается во всѣхъ случаяхъ, гдѣ г. Горькій оставляетъ риторическія метафоры и говоритъ обыкновеннымъ языкомъ объ обыкновенныхъ вещахъ, не мудрствуя лукаво и не подлаживаясь подъ направленіе даннаго журнала.

Бѣда только въ томъ, что онъ крайне одностороненъ и идетъ на всякаго комара съ пределикой, замѣтно обременяющей его рогатиной, либо съ здоровеннымъ полѣнникомъ въ слабыхъ рукахъ.

Чтобы показать нѣкоторыя несообразности въ провинціальномъ газетномъ дѣлѣ, г. Горькій измышляетъ цѣлаго «Озорника» съ мухой за галстукомъ и ерундистымъ велерѣчиемъ. Объ условіяхъ же быта наборщиковъ,—этой свицовой арміи, этихъ низшихъ факторовъ прогресса,—г. Горькій ничего не говоритъ. Онъ не говоритъ, что наборщикамъ нужно сидѣться и создавать кооперацию съ собственной ссудо-сберегательной кассой на манеръ ездоровской и кожухаревской коопераций въ Одессѣ, что они должны уклоняться отъ загуловъ, убивающихъ и здоровье, и добытій тяжелымъ трудомъ средства, и не рекомендовать вмѣсто этого организовать собственное пѣвческое общество, по примѣру тѣхъ-же одесскихъ наборщиковъ, или «клубъ работниковъ

печатнаго дѣла», въ которомъ можно было-бы устраивать семейные и литературно-музыкальные вечера. Все такія руководящія совѣты г. Горькій замѣнилъ туманными разглагольствованіями полульнянаго «Озорника», и, разумеется, ни сколько не уяснилъ читателямъ—въ чемъ именно скрываются причины «Озорничества» и какими мѣрами нужно бороться съ нимъ.

Желая познакомить читателей съ бытомъ ремесленниковъ, г. Горькій обращается къ содѣйствию невѣроятнаго сапожника Орлова. Здѣсь, придерживаясь прописной морали, караетъ порокъ, отправляя супруга Орлова въ ночлежный домъ, и награждаетъ добродѣтель, превращая битую сапожницкую бабу въ преподавательницу башмачнаго мастерства въ мастерской какой-то приютской школы или школьнаго приюта.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ вы наталкиваетесь на многорѣчіе, неестественныя позы и грешевые quasi морализующіе выводы, о которыхъ сказано выше. «Къ чему работать ежели все помереть? Къ чему наборныя кассы, печатныя станки, статьи, газеты, редакціи, ежели онѣ не служатъ исключительно интересамъ Ваньки или Сережки «Озорника», желеющаго, во 1-хъ, получить горячіе каштаны при постороннемъ содѣйствіи и, во 2-хъ, пребывать всегда во младенчествѣ? Къ чему тачать сапоги, ежели мы можемъ къ вечеру или къ утру помереть?»

Согласитесь, что для полученія и распространенія такихъ выводовъ совершенно не нужна тяжеловѣсная рогатина, а какое нибудь болѣе легкое орудіе и менѣе размахистыя приемы.

Что массѣ темнаго люда, ютящагося въ городскихъ углахъ, сѣверно живетъ—давно выяснено и доказано. Но легче ему не станеть, ежели онъ воспользуется рецептами г. Горькаго и перестанетъ работать. Жизнь—трудъ и страданія, которыя могутъ быть облегчены только трудомъ, грамотностью, элементарными знаніями, саморазвитіемъ.

«Озорникъ» не потому озорничаетъ, что редакторъ написалъ статью, не согласную съ его взглядами и его неразработанными вкусами, а потому, что онъ неприспособленъ съ дѣтства къ систематическому мышленію и правильному труду.

Приблизительно тѣ-же мотивы заставляютъ сапожника Орлова быть тѣнью «Озорника», т.-е. пить, манкировать дѣломъ и переживать постоянное чувство недовольства.

Однако, позволимъ себѣ сказать, что для нихъ нужны не водянистыя расслабляющія сентенціи

г. Горькаго, а хотя нѣкоторое образованіе и воспитаніе, религія и настоящій трудъ.

Трудовая жизнь не легка и не до веселья тому, на чьей шеѣ лежитъ ярмо сознательно или случайно принятыхъ обязанностей.

На этомъ кончаемъ пока наши замѣчанія по поводу произведеній г. Горькаго, повторяя еще разъ: они не лишены искры, въ нихъ есть и чувство и мысль, но есть и такой балластъ, съ которымъ автору, если только онъ силенъ къ самокритикѣ, давно слѣдовало бы посчитаться.

Побольше настоящей правды, поменьше дешевенскихъ сентенцій и риторическихъ метафоръ—и тогда все пойдетъ на ладъ.

А пока—дѣло плохо и вѣтромъ подбито.

II.

Въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» находимъ прекрасныя записки Л. Мельшина—«Еще изъ міра отверженныхъ», составляющія продолженіе прежнихъ очерковъ русской каторги.

По суммѣ сгруппированныхъ въ нихъ фактовъ и по общей разработкѣ, новый трудъ г. Мельшина займетъ въ литературѣ второстепенное мѣсто, но онъ, тѣмъ не менѣе, не лишень интереса и, нужно ожидать, найдетъ читателей. Послѣдовательно, шагъ за шагомъ авторъ знакомитъ съ внутреннимъ бытомъ каторжной тюрьмы, съ отталкивающими приемами низшей тюремной администраціи, наиболѣе типичными фигурами каторжниковъ и эпизодами, иллюстрируемыми безъ лишнихъ словъ правы преступниковъ.

Время все мѣняетъ. Мѣняетъ оно постепенно и нашу каторгу, такъ удачно названную покойнымъ Ф. М. Достоевскимъ «Мертвымъ домомъ». Есть много всякой грязи и гадости, но, по свидѣтельству автора записокъ, кое что уже перерождается, а съ предстоящимъ уничтоженіемъ по истинѣ ужасныхъ сибирскихъ этаповъ, гдѣ практиковались не только всевозможныя безобразія, но даже насилія и убійства арестантами арестантовъ,—въ «Мертвый домъ» ворвутся, быть можетъ, новыя свѣжія струи, и на каторжника стануть смотрѣть, какъ на несчастнаго, сбившагося съ пути человѣка, котораго могутъ исправить не кандалы, не казематы, плети и розги, а хорошее человѣческое отношеніе, нравственная поддержка со стороны тюремной администраціи, обученіе грамотѣ и, вообще, поднятіе въ темной каторжной массѣ духовныхъ интересовъ.